

М.В. Шкаровский

НАСТОЯТЕЛЬ ПЕТРИКИРХЕ ПАСТОР ГЕЛЬМУТ ГАНЗЕН

Один из самых известных настоятелей церкви святого апостола Петра в Санкт-Петербурге на Невском проспекте (Петрикирхе) — пастор Гельмут Германович Ганзен — родился 13 марта 1892 г. в Тифлисе (ныне — Тбилиси) в семье немецкого лютеранского пастора. До 1898 г. он проживал в Тифлисе, но затем его родители переехали в столицу Российской империи, и Гельмут в 1901—1910 гг. учился в петербургской гимназии св. Анны. В 1911—1916 гг. он изучал теологию в Юрьевском (Дерптском) университете, после окончания которого был ординирован.

С 1916 г. Гельмут Ганзен служил в церкви святых апостолов Петра и Павла в Стрельнинской колонии под Петроградом, а с 1918 г. одновременно и в ленинградской Петрикирхе. Многие годы он проводил в Стрельне детские богослужения и занятия по изучению Библии (Бибельштунден). Когда в апреле 1924 г. Ганзен стал главным пастором Петрикирхе, он продолжил свою деятельность, но уже в большем масштабе. Под его руководством было создано около 20 детских кружков по изучению Закона Божия (в среднем по 5—8 детей от 7 до 16 лет в каждом). 23 преподавателя, в основном прихожане церкви святого Петра и некоторые учащиеся Ленинградских библейских курсов, вели занятия с детьми на частных квартирах по 19 адресам. По пятницам преподаватели собирались на квартире у пастора для педагогических бесед. Кроме того, по вторникам (вечером) в кирхе Ганзен проводил специальные Бибельштунден для молодежи, которые посещали 25—40 человек.

Именно из них в 1925 г. молодые люди, дважды совместно бывшие у причастия, создали группу «Югендбунд». Она не имела устава, но ее члены вели большую работу в храме: убирали и украшали здания, регистрировали прихожан, пели на богослужениях и т.д. Осенью

1925 г. 13 девушек занялись выявлением неимущих членов общины. После составления списка они посещали нуждающихся и выдавали им полученные от пастора пособия. Сбор денег осуществлялся за счет пожертвований по подписным листам, доходов от концертов, бронирования мест в кирхе (пригласительные карточки стоили от 50 коп. до 2 руб.) и устройства лотерей, которые проводились один раз в год (400–500 билетов по 50 коп. каждый). Кроме того, определенную сумму на бедных выделял германский консул. Денежная помощь даже отправлялась за границу, например вдове пастора в Будапешт. В страстную субботу 1926 г. Ганзен устроил общее причастие, заказав накануне около 30 специальных значков, которые вручили конфирмантам. Молодежь собиралась и на квартире пастора на так называемые «чайные вечера» (до 60 человек одновременно) с пением, играми, постановками на религиозные темы¹.

Сборы от продажи билетов на концерты религиозной музыки в Петрикирхе и Немецкой реформаторской церкви (в которой Ганзен периодически проводил богослужения) шли не только на благотворительные цели, но и на уплату все возраставших налогов. Безработным прихожанам при содействии Германского консульства помогали в вопросах трудоустройства — таким образом на работу было направлено 7 человек. Вообще консульство оказывало общине разнообразную помощь: в 1928 г. выделило 4 тыс. марок на ремонт храма, помогало в приобретении дров для отопления здания и др. Деньги на оплату пасторам шли в основном от Густав-Адольф-Союза — по этой линии Ганзен получал через епископа Артура Мальмгрена в 1924–1927 гг. по 50 долларов ежегодно, в 1928 г. — 100, а в 1929 г. — 150 долларов.

Деятельность главного пастора Петрикирхе была разнообразной. В частности, Ганзен с разрешения Высшего церковного совета разослал в приходы по всей стране свыше четырех тысяч экземпляров религиозной литературы, с дореволюционных времен хранившейся в церкви святого Петра. На Синоде 1924 г. Ганзен, единственный из присутствующих, не подписал приветственное слово к советскому правительству. В 1925–1929 гг. он был доцентом Ленинградских евангелическо-лютеранских библейских курсов, где преподавал библейскую теологию Нового Завета, жизнь Иисуса. Поддерживал пастор связь и с бывшей Петришуле (в конце 1920-х годов — 41-й советская школа), директор которой Павел Вульфийус до 1924 г. состоял в «двадцатке» (приходском совете) Петрикирхе. Он и инспектриса Рейгольд покровительствовали ученикам, посещавшим церковь².

3 декабря 1926 г. в Ленинградский губернский исполнительный комитет поступил первый анонимный донос на главного пастора церкви святого Петра: «Ганзен у себя на квартире каждую среду в 7 часов вечера устраивает вечеринки; мальчики и девочки, около 30 человек, там поют духовные песни... И его жена тоже дает уроки пения, и в воскресенье в 1 час дня будет в церкви детский праздник, там они будут петь, и этим детям он дает уроки Закона Божия под видом богослужения, и так каждый понедельник и четверг в 5 часов в здании церкви он обучает детей». Административный отдел Ленгубисполкома переслал копии этого письма в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) и заведующему районным столом регистрации, но на прямые репрессии в то время власти не решились³.

Ситуация начала меняться через полтора года. 9 мая 1928 г. газета «Ленинградская правда» поместила статью с яростными нападками на пасторов Гельмута Ганзена и Курта Мусса (возглавлявшего общину русских лютеран): «В центре города, сотворившего революцию, рядом с марксистскими семинариями, на проспекте 25-го Октября в древней облупившейся кирхе, как 400 лет назад... сумрачные мистерии служб, экзальтированные выкрики проповедей... Ганзен — воинственный проповедник, лукавый философ. Цитирует Лютера, Кальвина, Ницше, Конфуция и даже, о боже, Маркса. Воинственные призывы, откровенная проповедь антисемитизма и контрреволюции — вот что привлекает добрый пастор детям... В его контрреволюционной работе подпевает младший пастор Мусс... Позволяет себе обратиться к трезвым проповедникам из прокуратуры, дабы они оградили нас от контрреволюционного шипения, которое исторгается из желчного рта пастора Г. Ганзена»⁴.

В обстановке начавшего в 1928 г. резкого ужесточения религиозной политики в СССР, репрессий и прямых провокаций ОГПУ между пасторами порой возникали конфликты. Архиепископ Михаил (Мудьюгин) позднее вспоминал: «Надо заметить, что ревностное служение пасторов Мусса и Ганзена, их безоговорочная миссионерско-просветительная деятельность встречала неодобрение и даже осуждение со стороны более осторожных и менее воодушевленных собратьев-пасторов, а также со стороны многих рядовых членов церковных общин. Им внушали, что не следует “лезть на рожон”, что “плетью обуха не перешибешь”, что нет смысла и недопустимо ставить под удар не только себя, но и свою семью и даже общину в целом»⁵.

17 декабря 1929 г. последовали массовые аресты лютеран. Всего по данному делу органы ОГПУ привлекли 86 человек: четырех пасторов, учащихся библейских курсов и прихожан, в том числе родственников священников — их жен, сестер, братьев, трех дочерей скончавшегося епископа К. Фрейфельда — Эльзу, Марту, Магдалину, племянника епископа Т. Мейера Густава Гольде и др. 17 декабря по обвинению в антисоветской деятельности и обучении подростков катехизису был арестован и Гельмут Ганзен, ставший главным обвиняемым.

При обысках были изъяты пишущие машинки, несколько сотен конспектов на религиозные темы, карточки учета состава детских кружков и их работы, значки членов «Югендбунда», валюта, переписка с иностранными религиозными организациями, образцы работы ремесленных кружков (у пастора Мусса), билеты на концерты и лотереи. Все это следственные органы посчитали «неопровержимым доказательством» контрреволюционной деятельности. Особое их внимание привлекли изъятые у Ганзена конспекты проповедей, хотя в них не было ничего антисоветского и содержались лишь призывы к стойкости и вере в конечное торжество христианского учения и церкви: «Христианству угрожало учение ложных пророков, которые возникли из среды нехристей. Угроза эта была опасней, чем налоги Рима»; «Окруженные врагами, но братья между собой, они были сильны и шли навстречу борьбе, которая не заставила себя долго ждать»; «Те, кто со слезами сеет, будут с радостью жать»; «Действуйте, пока день длится»; «Десять лет тянется непрерывная борьба за существование. Мы все небогаты, но давайте сомкнемся в память наших отцов и в ответственности перед нашими преемниками с единой решительной волей поддержать нашу церковь, и тогда мы будем сильны и богаты»⁶.

Согласно показаниям других арестованных, Ганзен призывал к противостоянию безбожью, а не к борьбе с органами советской власти. Так, Г. Тиссен 14 января 1930 г. сообщила, что пастор, приводя пример из Библии о гонениях на христиан, указал: «Тогда верующие были в меньшем количестве, но благодаря их стойкости, они сумели победить, и в результате над всем миром стали властвовать верующие, и в мире и в настоящее время происходит борьба с безбожниками, и я уверен, что победа будет на стороне Христа». А в проповеди на конфирмации Ганзен сказал: «Нам зажимают рты, нам лгут, пока не устают, но это недолго будет продолжаться — эта болтовня, правда восторжествует, так как ее нельзя победить, людей же можно порабо-

тить». Арестованная жена пастора Эрна Ганзен категорически отвергла все обвинения в антисоветской деятельности и заявила: «Мой муж... всю свою жизнь посвятил служению Богу и человеку и [стремился] учение Иисуса Христа о правде, чистоте, любви и справедливости в жизни человека передать своим прихожанам. В богослужениях Ганзена других толкований не было»⁷.

Обвинения некоторых подследственных являлись совершенно надуманными и бездоказательными. Например, председатель «двадцатки» Немецкой реформаторской церкви И. Гроссман якобы в связи с поднятой в прессе кампанией о ликвидации храма по указанию Ганзена умышленно затопил подвалы здания из фановых труб. В обвинительном заключении без тени сомнения говорилось: «Все перечисленные факты в достаточной мере устанавливают, что вся деятельность Ганзена, его жены, Мусса и всех обвиняемых по делу лиц была определено направлена к развитию и укреплению пангерманизма, к срыву мероприятий советской власти не только по религиозным вопросам и культурно-советскому воспитанию масс немцев, но и по противодействию социалистическому строительству в интересах зарубежной буржуазии, причем большое старание в данной плоскости Ганзен и Мусс приложили в деле отрыва молодежи от советской действительности с тем, чтобы подготовить и создать будущие антисоветские кадры».

Внесенные 17 сентября 1930 г. тройкой Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговоры оказались очень жестокими. Гельмут Ганзен был приговорен к 10 годам лагерей, отправлен отбывать срок в страшный Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), его жена и Эльза Фрейфельд получили по 5 лет лагерей и 3 года ссылки, Марта, Магдалина Фрейфельд, И. Гроссман и председатель «двадцатки» Петрикирхе Б. Бидерман — 3 года лагерей и 3 года ссылки и т.д. Удар, нанесенный этим делом, оказался для Евангелическо-лютеранской церкви очень тяжелым. Достаточно сказать, что в Ленинградскую консисторию в 1929 г. входили четыре человека — епископ Мальмгрен, пасторы Фришфельд, Ганзен и Бидерман, и трое из них через год были арестованы и приговорены к заключению⁸.

Отбыв почти весь срок заключения, Гельмут Ганзен в 1938 г. был освобожден по инвалидности как неспособный к работе. К проповеднической деятельности он уже не возвращался (все лютеранские церкви в СССР к тому времени были закрыты). Здоровье пастора ока-

залось подорвано пребыванием в лагере, и вскоре он скончался. Однако самоотверженная деятельность пастора в 1930-е годы, несомненно, заслуживает памяти и изучения.

1. АУФСБ СПб. ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-87890. Т. 1. Л. 123; Т. 2. Л. 609–614.
2. Там же. Т. 2. Л. 603–605, 620–624.
3. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 10. Л. 13; Д. 18. Л. 114–115.
4. Ленинградская правда. 1928. 9 мая.
5. *Архиепископ Михаил (Мудьюгин)*. Из воспоминаний о жизни ленинградских евангелическо-лютеранских общин перед их ликвидацией // Церковь Ингрии. 1943. № 3–4 (8). С. 16.
6. АУФСБ СПб. ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-87890. Т. 2. Л. 605, 607.
7. Там же. Т. 1. Л. 163, 285; Т. 2. Л. 606.
8. Там же. Т. 1. Л. 283, 373; Т. 2. Л. 627; Т. 3. Л. 275.